

A vibrant illustration of a woman in a green dress and a small dog on a train at night. The woman, Anastasia Milovanova, is leaning out of the train door, holding the handle with one hand and her hat with the other. She is wearing a green dress with gold embroidery and a star pendant. The dog, a small tan and white breed, is sitting on the ledge of the train door, looking happy. The train is dark blue with gold accents, and the background is a magical night sky with stars and light trails. A green circular logo with the text 'Колдовские МИРЫ' is at the top. The title 'Анастасия МИЛОВАНОВА' is in large white letters, followed by 'ХОЗЯЙКА МАГИЧЕСКОГО ЭКСПРЕССА' in bold white letters. At the bottom, the text 'ПРИСТЕГНИТЕСЬ, СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ – ДРУГОЙ МИР!' is written in white. The left side of the image has a green vertical bar with white decorative lines and dots.

Колдовские
МИРЫ

Анастасия
МИЛОВАНОВА

ХОЗЯЙКА
МАГИЧЕСКОГО ЭКСПРЕССА

ПРИСТЕГНИТЕСЬ,
СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ – ДРУГОЙ МИР!

Колдовские миры. Новое оформление

Анастасия Милованова

Хозяйка магического экспресса

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Милованова А.

Хозяйка магического экспресса / А. Милованова — «Эксмо»,
2024 — (Колдовские миры. Новое оформление)

ISBN 978-5-04-218422-2

У каждого случаются моменты, когда понимаешь — твоя жизнь не будет прежней. У меня он настал с появлением в моем поезде маленькой беглянки. Все бы ничего, да вот только опекун малышки — тот, кто разбил мне сердце несколько лет назад. И ещё один маленький нюанс — девочка оказалась Скользящей, и во всех мирах за ней идёт охота. Я помогу им. Только вот кто поможет мне, когда тайна моего происхождения откроется и преследовать начнут уже меня?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-218422-2

© Милованова А., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог	8
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анастасия Милованова

Хозяйка магического экспресса

© Милованова А., текст, 2025

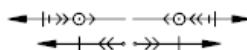
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

АНАСТАСИЯ
МИЛОВАНОВА

ХОЗЯЙКА МАГИЧЕСКОГО ЭКСПРЕССА

МОСКВА

Пролог

– Именем равновесия Доминиона приказываю остановить этот поезд для досмотра! – Громогласный крик обрывает мой сон не хуже грохота от резко затормозившего состава.

В панике вскакиваю, пытаюсь собрать мысли в голове, что мечутся бешеными тушканчиками. Жандармы из службы равновесия никак не могли тут появиться: у меня с документами всё в порядке – комар носа не подточит!

Оглядываю купе в поисках халата: не выходить же к службистам в одной шёлковой сорочке? Шум в коридоре нарастает, а я замираю перед дверью, поправляя трясущимися руками одежду и волосы.

– Всё в порядке, Агата, – говорю себе и чувствую, как дрожит голос. – Это просто рядовая проверка, ничего больше.

Сумбур в голове такой, что я даже не додумываюсь зажечь мало-мальски слабую искорку. Потому, когда открываю дверь в коридор, меня ослепляет свет, и какое-то время я ничего не вижу.

Зато чувствую: в купе мимо ног прошмыгивает кто-то очень маленький. Захлопнув дверь, резко разворачиваюсь. В коридоре уже стоит возмущённый гвалт недовольных пассажиров, и громче всех звучит голос Миранды, моей помощницы-экономки. И раз уж она вступила в дело, у меня есть пара минут, чтобы разобраться с «зайцем».

Моя спальня – самый большой отсек в вагоне. Здесь нашлось место и для широкой кровати, и для громоздкого шкафа, и даже рабочий стол умудрились впихнуть. Я уж не говорю про отдельную ванную. Вот как раз там только что и хлопнула едва приметная дверка.

Зажигаю неяркий магический огонёк и двигаюсь в сторону временного убежища нелегального пассажира. Тот, в свою очередь, затихарился так, что я даже начинаю думать: а не почудилось ли мне его появление тут?

Резко дёргаю дверь чуть ли не с криком «ага!» и натываюсь на испуганный взгляд невообразимо голубых глаз. Передо мной, забившись в зазор между раковиной и ванной, сидит совсем маленькая девчушка. Тёплое пальто, но явно с чужого плеча, добротные ботиночки, небольшая сумочка через плечо – всё это говорит о том, что беглянка не беспризорница. Только почему тогда девочка вся измазана грязью и растрёпана? И жмётся в угол, как загнанный зверёк?

– И кто это тут у нас? – Я присаживаюсь перед ней на корточки и протягиваю руку, выказывая тем самым дружелюбие.

Вокруг девчушки в этот момент вспыхивают зелёные всполохи и искры, отчего я моментально отдёргиваю ладонь. Девочка-то Скользящая! Да к тому же необученная, раз не может контролировать силу!

И это сулит мне очень большие проблемы! Теперь ясно, по чью душу явились жандармы. Скользящие вне закона, и их преследуют с особой жестокостью.

Я поднимаюсь, раздумывая, как поступить дальше. Сдать малышку и как можно скорее продолжить путешествие, чтобы пассажиры перестали возмущаться и не потребовали компенсацию за простой, либо спрятать девчушку, как в своё время сделал дядя Руперт – прежний владелец поезда?

Видимо, что-то такое мелькает в моём взгляде, отчего девчонка хватает меня за руку и с мольбой вглядывается в мои глаза.

– Помогите, пожалуйста! – Её тонкий голосок дрожит от страха и еле скрываемых слёз. – Спрячьте меня!

Я смотрю на её чумазую мордочку, на худенькие ручки, и во мне начинают сражаться доводы разума и совести. Я не люблю жандармов, не люблю Доминион, да и в целом законопо-

слушной меня сложно назвать, но жертвовать шатким благополучием ради какой-то странной малышки – это, по меньшей мере, глупость.

Всё решает резкий хлопок двери купе и гневный возглас Миранды:

– Командор Ремер, это вопиюще неприлично! Вламываться в спальню юной гратти, да ещё и посреди ночи!

– Не преувеличивайте, – доносится до меня бесстрастный голос, от которого холодеют руки.

Сам Глава местного сектора службы равновесия почтил мой поезд обыском.

– Насколько мне известно, Агата Хардисс далеко не гратти, а уже давно гратта¹. Да ещё и не особо чистая на руку.

– Как вы смеете!

А вот этот театральный возглас помощницы, несмотря на сложность ситуации, вызывает у меня лёгкую улыбку.

Решаю закончить этот фарс, а потому выхожу, предварительно запахнув халат и потуже завязав пояс. Но прежде чем закрыть за собой дверь, бросаю взгляд на малышку и прикладывая палец к губам, призывая сидеть тихо и не выдавать себя.

– Грат Ремер, какая честь! – Изображаю привычную для себя маску холодной вежливости и смотрю прямо в серые, такие безжалостные, глаза командора. – Чем обязана?

Краем глаза отмечаю общую растрёпанность Миранды – милая пухляшка до последнего отбивала попытки проникнуть в моё купе – и возвращаюсь взглядом к нашему гостю.

Говорят, Рикард Ремер когда-то был приближён к самому императору Доминиона, но какая-то оплошность сослала его на самые задворки империи. Теперь он ищет любую возможность выслужиться и триумфально вернуться в Аркадос, столицу Доминиона. И поимка всё новых и новых Скользящих приближает его к исполнению мечты. Неудивительно, что за беглянкой этот подонок явился собственной персоной.

– Есть информация, что в вашего «Торопыгу», – произнося название моего поезда, командор позволяет себе еле заметную презрительную улыбку (ну да, наш малыш уже давно не так быстр, каким был на момент сборки, но это не даёт Ремеру право издеваться над ним), – проник особо опасный преступник.

– И поэтому вы вламываетесь в моё купе, ни во что не ставя мою репутацию? – Я складываю руки на груди и скептически приподнимаю бровь. – Вам не кажется, что спальня хозяйки поезда не лучшее место для прятков? Будь я на месте наглеца, скрывалась бы в багажном отделении.

– О, там мы тоже посмотрим, не стоит беспокоиться.

Командор неспешно прохаживается по отсеку, заглядывая то за кровать, то под шкаф. Распахивает створки и недолго рассматривает мой скудный гардероб.

Я с трудом сдерживаю себя, чтобы не запустить в его коротко стриженную, с лёгкой проседью шевелюру огненный шар – добавить этому сухому безжалостному человеку хоть немного огонька.

Лёгкое покашливание сбоку отрывает меня от представления сцен мести, и я с тревогой смотрю на Миранду. Она отвечает мне похожим взглядом, но при этом машет головой, показывая, что в остальном вагоне жандармы ничего не нашли. Значит, и впрямь за девочкой охотятся.

– И всё же я настаиваю: покиньте поезд и позвольте мне продолжить путь. Мои пассажиры не виноваты в том, что вы кого-то упустили. – Я стараюсь говорить ровно, чтобы никоим образом не выдать того волнения, что сейчас оседает в руках, заставляя пальцы мелко подрагивать.

¹ Грат, гратта, гратти – вежливое обращение к мужчине, женщине и юной девушке.

– Конечно, гратта, сразу после окончания обыска. Вы позволите? – Ремер приближается ко мне вплотную, возвышаясь надо мной на целую голову, и тянется к двери за моей спиной.

– Там ванная комната, – цежу я сквозь зубы.

– Полная ваших грязных тайн? – усмехается в ответ командор. – Что ж, тогда придётся мне немного испачкаться.

Не обращая внимания на мои возмущённые окрики, Рикард отодвигает меня со своего пути и заходит в комнатку.

Что ж, малышка, я пыталась...

– Хм, действительно, просто ванная. – Впервые в голосе Ремера проскальзывает хоть какая-то человеческая эмоция.

Стойте, как «просто ванная»? Где девчушка?

Я заглядываю в комнату и вижу, что она действительно пуста. Но спрятаться в ней негде. Разве что в корзине с бельём, но ведь она совсем маленькая! Впрочем, эта же мысль, видимо, посещает и командора. Он наклоняется над корзиной ровно в тот момент, когда подошедшая Миранда начинает причитать:

– Да где ж это видано, чтобы грат копался в нижнем белье незамужней гратти?! Командор, это уже ни в какие рамки приличия не лезет!

Я вижу, как Рикард морщится, но от корзинки всё-таки отворачивается, смотрит на Миранду с возрастающим раздражением.

– Гратта Лидос, ещё одно слово – и я арестую вас за препятствие следствию.

Экономка тут же замолкает, испуганно поглядывая то на меня, то на командора. Но этой заминки хватает – в купе вваливаются ещё два жандарма, отвлекая на себя внимание своего начальника.

– Командор, Редмор и Афинер только что видели, как кто-то спрыгнул с поезда!

– Так чего вы всё ещё тут?! – Лицо Ремера моментально искажается гримасой гнева. – Быстро в погоню!

Его подчинённые бледнеют и стремительно выбегают из купе, а их Глава лишь раздражённо одёргивает манжеты форменного кителя. Молча выходит из ванной и уже на пороге купе бросает на нас с Мирандой предостерегающий взгляд:

– Всего хорошего, милые гратты. Однако смею предупредить, – глаза Рикарда режут стальным холодом, – будьте осторожны и внимательны на своём пути. Мы будем присматривать за вами. До встречи!

– Да чтоб тебе рельсы попутать, вобла ты сушёная! – раздражается ругательствами Миранда, как только дверь за командором захлопывается.

– Тише, Мири, не ровён час, вернётся! – Я успокаивающе похлопываю подругу по руке. – Иди, проверь пассажиров, я скоро к вам выйду.

Я вижу, что она хочет что-то у меня спросить, но лишь машу головой. Пока я сама ничего не выясню, нечего говорить. Помощница споро покидает купе и тут же принимается за дело: загоняет наших клиентов обратно по своим комнаткам.

А я прохожу в ванную и, присев у корзинки, откидываю верхние сорочки. Малышка, свернувшись клубком, испуганно вскидывает голову и смотрит на меня, но когда узнаёт, робко улыбается мне и как-то совсем умилительно вытирает нос длинным рукавом пальто.

– И что же мне с тобой делать? А? – спрашиваю я, невольно улыбаясь в ответ.

Глава 1

Маленькие обжоры и старые счёты

В вагоне-столовой в этот час никого нет, кроме меня, малышки Розмари и щебечущей над нами Миранды. Девочка сидит напротив и жадно ест уже вторую тарелку фирменной похлёбки моей помощницы.

– Крошка, да откуда же ты? – тем временем спрашивает Миранда, ставя на стол корзинку с ароматными булочками и чашку имбирного капучино для меня.

– Папа сказал мне спрятаться, а сам убежал. Жер-р-рдей увёл! – Она приподнимает ложку вверх, будто бы говоря: вот какой у меня храбрый папа!

Миранда хватается за сердце, я же удивлённо вскидываю брови. Жердями жандармов называют лишь в определённых кругах. Преступных, если уж быть точной. И всё из-за специфического оружия законников – телескопических жезлов, проводящих магию носителя.

– Доченька, где же ты таких слов нахваталась? – вновь причитает Мири, присаживаясь рядом с малышкой.

– Так и папа говорит, и друзья его. – Розмари невинно округляет кукольные глазки.

– И кто же твой папа? – мягко улыбаюсь я, поднося чашку ко рту.

А сама превращаюсь в слух, внешне стараясь сохранять видимость спокойствия, лишь лёгкая дрожь в пальцах выдаёт напряжение.

Скользящие рождаются только в тех мирах, где добывают армелит – минерал, что позволяет поездам путешествовать сквозь грани миров. Учитывая, что я и сама родом из такого шахтёрского мирка, узнать, кто же отец малышки, для меня жизненно необходимо.

– Пир-р-рат! – довольно улыбнувшись, отвечает малышка и вновь опускает нос в чашку с похлёбкой.

Мы переглядываемся с Мирандой, и в её глазах я чётко вижу тревогу. Пираты, мародёры и прочая шушера нам вовсе не нужны. Лишнее внимание к «Торопыге» означает и повышенный интерес к моей персоне, а я столько лет потратила на то, чтобы стать как можно незаметнее.

– Все мужчины в чём-то пираты: одни похищают твои сбережения, другие – сердца, – отвечаю я, деликатно ставя чашку на блюдце. – Твой из каких будет?

– Мой папа из благородных! – насупившись, отвечает Розмари.

– Значит, сердцеед, – делаю вывод я и поворачиваюсь к Миранде: – С таким справимся.

Помощница осуждающе смотрит на меня, будто бы говоря, что такие темы с маленькими девочками не обсуждают. Я и не спорю: никогда не умела находить общий язык с детьми.

– А ещё что-нибудь тебе папа сказал? Кроме того, чтобы спрятаться? – продолжаю расспрашивать малышку, переводя взгляд на окно.

За стеклом проносятся привычные виды Межмирья – удивительного по своей красоте пространства между мирами. Яркие всполохи невидимых звёзд и разноцветное сияние неизвестной пыли, что вьётся лентами, заполняют это странное место. Ничто, сквозь которое проложены призрачные пути наших поездов. И только Скользящие могут сходить с этих троп, прыгая куда им заблагорассудится.

– Папа сказал, что гратта Агата поможет мне и спасёт от жердей. – Девочка вытягивает руку прямо на столе и устраивает голову на сгиб локтя, при этом отчаянно зевает, но старается держать глаза открытыми.

Я перевожу взгляд на неё и тут же напрягаюсь. Вокруг малышки вновь проявляются всполохи зелёного цвета. Миранда рядом замирает, судорожно сжимая в руках поднос, а я глубоко вздыхаю. Призываю собственную силу, чтобы успеть перехватить нашу гостью. Чтобы она не

прыгнула прямо в поезде, иначе жандармы вернутся. Пройдут по нашему следу – и тогда мне конец.

– Розмари, – зову девочку и касаюсь её тёплой ладошки пальцами.

Малышка вскидывает голову, и в её глазках я вижу переливы изумрудного цвета. Но магия не её! В тот момент, когда догадка вспыхивает в моей голове, столовую заливают яркая вспышка, на миг ослепляя нас. Я слышу испуганный вскрик девочки и удерживаю её за руку, чтобы и она на эмоциях не сорвалась.

Спустя секунду зрение возвращается, и увиденное заставляет меня вскочить с гневным криком:

– Ах ты, зараза!

– Агата! – тут же одёргивает меня Миранда. – Не ругайся!

– Нет, ну ты посмотри! – Еле сдерживая негодование, я показываю на фуршунчика, который сидит рядом с Розмари и с интересом обнюхивает нового для себя человека. – Он же опять где-то армелита натрескался!

Фуршунь, этот маленький зверёк, больше похожий на смесь землеройки и котёнка, обиженно пищит на меня и одновременно ластится к девочке. Та умилительно смеётся и совсем без страха берёт малыша на руки, почёсывает ему между ушками.

– Агата, а когда это Кропалёк так спокойно шёл на руки к чужим? – Миранда с удивлением рассматривает эту картину.

– Никогда, – бросаю я, не отводя взгляда от довольно урчащего зверька. – Он и мне-то не сразу дался.

Кропалька мне подарил дядя Руперт, бывший владелец «Торопыги» и мой приёмный отец. Подарил, чтобы фуршунь скрывал следы моей нестабильной магии. Эти малыши живут в армелитовых шахтах и помогают найти рудоносные жилы, поскольку минерал для них – самая большая сладость. А объевшись им, начинают скакать в пространстве и даже между мирами, как попрыгунчики, что в моём случае очень помогало скрыться от жандармов. Любую вспышку скользящей магии списывали на Кропальку.

– Может, у него ностальгия? – предполагает Мири. – Вспомнил, как ты в детстве его своей энергией подкармливала.

– На самом деле это последнее, что тревожит меня. – Я выхожу из-за стола и подхожу к Розмари. – Ну-ка, дай-ка мне нашего обжорку.

– Он не хочет, – заглядывая малышу в глаза, отвечает девочка и прижимает фуршуня к себе.

– Я не сделаю ему ничего плохого, просто спрошу, – говорю я и протягиваю руку, в который раз за вечер стараясь не выказывать удивления и волнения.

Розмари за секунду установила связь с моим фуршуном! У меня на это не один год ушёл. Девочка очень сильна, просто невообразимо, и это сулит большие проблемы. Я вновь задумываюсь о целесообразности своего решения, но тут же стыжусь себя за эти мысли. Дядя Руперт принял меня без лишних раздумий.

Малышка осторожно передаёт мне притихшего Кропальку, я провожу рукой по его спинке, делаясь магией, показывая, что не злюсь и жду ответа. Фуршунь жалобно вздыхает и наконец посылает мне мыслеобраз: длинный коридор вагона-склада погружён в красноватые сумерки, все двери рудохранилища распахнуты настежь. Все, кроме одной.

Я медленно закрываю и открываю глаза, точно так же вдыхаю и выдыхаю. Делаю всё, чтобы успокоиться. Чтобы не пугать Миранду и Розмари той злостью, что сейчас разгорается у меня внутри.

– Малышка, пускай Кропалёк пока побудет с тобой.

Я передаю совсем притихшего и даже сжавшегося в размерах фуршуня обратно девочке. Разворачиваюсь к Миранде и тихо говорю:

– У нас на борту ещё один лазутчик. Свяжись с Освальдом, возможно, мне понадобится его помощь на складе.

Миранда бледнеет так, что веснушки на её лице проступают яркой бронзовой россыпью. Молча кивает и отходит за буфет, где располагается инфофон для связи между вагонами. Я же бросаюсь в нужном мне направлении. Если Освальд, наш машинист и по совместительству муж Мири, не успел лечь спать, то на склад мы попадём одновременно.

Два пассажирских вагона пролетают перед глазами мирной тишиной и сонным храпом. Как же я сейчас завидую своим клиентам! Они спят в тёплых постелях, а мне приходится отлавливать очередного «зайца».

«Боги всех миров, что за ночь?» – мысленно восклицаю я, наконец перебираясь на склад.

Тихонечко крадусь по проходу и заглядываю в каждый отсек. И чем дальше продвигаюсь, тем больше злюсь. Кропалёк, попа он шерстяная, сожрал все запасы армелита! Кто бы сейчас ни прятался за последней дверью, ему конец. Из-за любопытства этого шпиона мы остались без топлива, а это означало лишнюю остановку, лишние траты денег и лишнее появление на людях.

В итоге к нужному мне рудохранилищу я подхожу, уже изрядно себя накрутив. Хватаю лоток для переноски армелита и резко распахиваю дверь. Меня встречают тишина и еле слышное гудение охлаждающих панелей. Крадучись двигаюсь вперёд, прижимая к груди импровизированное оружие и до рези в глазах всматриваясь в тёмные углы. И всё-таки, когда на меня кидается массивная тень, я успеваю лишь взвизгнуть и неловко взмахнуть лотком в надежде попасть противнику в голову.

Мою руку с лёгкостью перехватывают, скручивают, и спустя несколько минут борьбы, больше похожей на мышиную возню, я оказываюсь прижатой спиной к широкой груди. Однако сдаваться я не намерена, а потому предпринимаю попытку ударить противника ногой в самое драгоценное, но мой манёвр предугадывают и уходят с траектории.

В следующее мгновение я и вовсе прекращаю сопротивление, потому что знакомый голос с бархатной хрипотцой произносит просто обезоруживающую фразу:

– Ну, привет, милая! Хорошо же ты встречаешь старого друга!

Глава 2

Поступи по совести

– Вон из моего поезда! – Я широкими шагами продвигаюсь по коридору склада, не оборачиваясь на проходимца за спиной.

– Агата, милая, но ты ведь ещё не слышала моего предложения! – обманчиво вкрадчивым голосом говорит этот стервец.

Окончательно выйдя из себя, я резко оборачиваюсь, чтобы тут же уткнуться носом в налетевшего на меня Маркуса. Он охает и пытается меня придержать, одновременно потирая ушибленную во время нашей небольшой драки челюсть.

В глухом возмущении отпихиваю его от себя и, для надёжности выставив указательный палец вперёд, говорю:

– Последний раз, когда я доверилась тебе, ты оставил меня без всех моих сбережений!

«И с разбитым сердцем», – добавляю мысленно, но ему этого знать не надобно. Между нами разве что искры не разлетаются, и, чтоб снова не отвесить ему тумаков, я продолжаю путь в вагон-столовую.

– Агата, – он хватает меня под локоть и разворачивает к себе, – так в том-то и дело! Я пришёл вернуть твои деньги и предложить ещё!

На его лице вновь играет бесшабашная улыбка, но я вижу: Маркус серьёзен как никогда. И это настораживает. Сколько его знаю, этот шалопай всегда жил под девизом: «Сгорел вагон – гори и поезд!» А тут явно что-то не то.

– Маркус Риглер Фаст, – надменно вскинув подбородок, начинаю я, – или ты сейчас же объяснишь, какого межмирья ты тут забыл, или я высаживаю тебя на каком-нибудь богами забытом острове!

Фаст закатывает глаза и уже собирается выдать что-то очень остроумное, как из-за моей спины доносится громогласное:

– Маркус, дружище, ты ли это?

Я оборачиваюсь и вижу, как к нам по коридору шагает Освальд.

Из-за высокого роста и мощной мускулатуры муж Миранды и вне поезда выглядит угрожающе, а в тесном проходе склада так и вовсе пугает до жути. Но сейчас я ему рада: чем дальше я нахожусь с Маркусом наедине, тем тяжелее мне становится. Давно забытые воспоминания и похороненные чувства слишком резво решили напомнить о себе.

– Ос, брат, как я рад тебя видеть! – Фаст проскальзывает мимо меня, направляясь к машинисту, а по совместительству инженеру, охраннику и мастеру на все руки.

– Вальд! – На хищном лице Освальда вспыхивает предупреждающая улыбка. – Совсем забыл, что за «Оса» тебе не раз влетало?

Они пожимают руки, а потом, рассмеявшись, сжимают друг друга в дружеских объятиях. А мне остаётся лишь нервно закусить губу. Не такого приёма для Фаста я ожидала. Рассчитывала, что Вальд, помня, в каком я была состоянии после исчезновения этого жулика, как минимум отвесит ему знатных затрещин.

– Как же не помнить! – похлопывая Вальда по плечу, произносит Маркус и отступает. – Дружище, да ты стал ещё больше! Чем тебя таким убойным Миранда кормит?

– А ты бы не шлялся где-то на задворках миров, может, и знал бы! – усмехается машинист и смотрит на меня. – А где наш лазутчик, хозяйка? Миранда мне в трубку так шипела, что я чуть не оглох спросонья.

Я молча киваю в сторону Фаста и с удовольствием наблюдаю за резко приподнявшимися бровями Вальда.

– Это наш Маркус-то лазутчик? Да не поверю. Он, конечно, тот ещё прохвост, но точно не вредитель!

– Ой, да ну вас! – наконец не выдерживаю я. – Меня там Розмари и Мири ждут.

Краем глаза замечаю, как моментально меняется выражение лица Фаста. Голубые глаза темнеют, на лбу залегает глубокая морщина.

– Как Роза? – Он придвигается ко мне и испытующе смотрит в глаза.

– В порядке.

Я несколько ошарашенно отстраняюсь от него, всё время пытаюсь придерживаться хоть какой-то дистанции между нами. А потом догадка вспыхивает в голове.

– Ты что? Тот самый папа-пират?!

– Он самый! – тут же ориентируется Маркус и вновь растягивает губы в нахальной улыбке.

А я ему не верю. Да быть такого не может!

– Мне-то не ври! Какой из тебя папаша? Ты же только о себе и способен заботиться! – Я неосознанно наступаю на него, чеканя каждое слово, пока очередная пугающая мысль не мелькает в голове. – Ты что, украл девочку?!

Недоумение в глазах Маркуса сменяется злостью, которой я раньше не видела в его взгляде. Никогда Фаст не смотрел на меня с такой неприкрытой агрессией.

– Ерунды не говори, – цедит плут и принимается приводить в порядок свою одежду, явно пытаюсь успокоиться. – Роза... Да, она мне не родная, но она моя подопечная, и я отвечаю за неё.

– Так отвечаешь, что бедняжке пришлось прятаться в моей ванной от жердей? – Я складываю руки на груди и скептически поглядываю на Маркуса.

Знаю, как его бесит, когда я начинаю его отчитывать.

– Ой, вот не надо мне тут выговаривать! – Фаст не обманывает моих ожиданий, взрываюсь, как и раньше. – Мы так и так планировали попроситься к тебе пассажирами. Кто ж знал, что за нами увяжется патруль!

– Ребята, ребята! – прерывает нашу перепалку Освальд, сгребая нас обоих в охапку. – Пойдемте-ка лучше чаю попьем? Мири там, наверное, уже вся извелась!

Здоровяк не выпускает нас из примирительных объятий и в таком виде ведёт в столовую. А я вспоминаю детство, когда точно так же Освальд разнимал нас с Маркусом, когда тот в очередной раз устраивал мне розыгрыш.

Мне было десять лет, когда я попала на «Торопыгу»: точно так же, как и малышка Розмари, залезла в первый попавшийся состав, лишь бы скрыться от преследователей. Только, в отличие от девчушки, я была совсем одна. Мой мир был разрушен, а семья погибла...

Долгое время я скиталась по мирам, где-то проезжая «зайцем», а куда-то попадая в неконтролируемом прыжке меж граней. Вот как раз после одного из таких скачков, когда я была обессилена и с трудом понимала, что происходит, на меня вышел патруль жандармов. Дядя Руперт не просто спас меня. Он принял меня в свою семью, в которой, помимо наёмных рабочих, уже были беспризорники Мири и Освальд. И Маркус. Обаятельный, бесстрашный и с напрочь отсутствующим инстинктом самосохранения. Тогда мне он казался идеальным! Ключевое слово – казался...

– Папа! – Розмари бросается к Фасту, как только мы входим в столовую.

Девочка виснет на Фасте, ловко изображая маленькую обезьянку, цепляется за его бежевое пальто. Только сейчас я замечаю, как плохо выглядит Маркус. Потрёпанная одежда, невидимые в полутьме склада тени под его глазами, явно не небрежная щетина на щеках – всё это говорит мне, что старый «друг» долгое время скитался. И путь его был нелёгок.

– Малышка! – Маркус сжимает девочку в крепких объятиях и от души целует в макушку. – Как ты тут? Не обижали?

– Нет. – Розмари широко улыбается и бросает на меня хитрый взгляд. – Гратти Агата меня спрятала, как ты и говорил!

– Гратта, – машинально поправляю я и отвожу глаза, почему-то не в силах смотреть на эту милую картину.

Маркус не признался в отцовстве, но мне достаточно видеть реакцию Розмари: не всякого мужчину ребёнок назовёт папой.

– Я и не сомневался. Агата никогда твоего папу не подводила! – Наглец подмигивает мне, перехватывает поудобнее малышку и шагает в глубину вагона. – Миранда, душа моя, накормишь доброго странника?

Моя помощница, всё это время с интересом вглядывавшаяся в нашу компашку, выходит из-за стойки и, уперев руки в бока, выдаёт:

– Маркус Риглер Фаст, да чтоб у тебя все рельсы под ногами спутались, где тебя Межмирье носило?

А я в который раз за вечер удивляюсь: это что же, я одна не рада его появлению тут?

Пока ощущение несправедливости от такого радушного приёма Фаста заставляет меня пребывать в растерянности, Освальд снимает Розы с названного отца, усаживает рядом с собой и принимается что-то ей рассказывать, полностью переключив внимание малышки на себя.

С лёгким хлопком на моём плече появляется Кропалёк, и я на автомате поглаживаю его, подкармливаю и так переевшего за сегодня фурунгу магией. Завтра наверняка придётся объяснять патрулю жандармов, отчего у меня весь поезд фонит скользящей магией. А всё из-за ненасытного малыша. Кстати, о завтра.

– Вы с малышкой должны покинуть поезд, – холодно произношу я, присаживаясь на высокий стул за стойкой и не глядя на Маркуса.

Как и на Мири. Знаю, с каким осуждением она сейчас на меня смотрит. Но я не могу поступить иначе. Если беглецов поймают на моём экспрессе – прощай, свобода. Я уж не говорю о моих работниках, за которых несу ответственность.

– Ты уверена? – В голосе Фаста звучит непривычное безразличие, и я украдкой бросаю взгляд вперёд, на зеркальную стену бара.

Маркус развернулся ко мне полубоком и, поставив локоть на столешницу, наблюдает за мной. Это нервирует, и я хватаюсь за очередную чашку капучино, заботливо подвинутую мне Мирандой.

– Да, – твёрдо говорю я, но сил посмотреть ему в глаза так и не нахожу. – Как я и говорила, твоё появление здесь нежелательно, а учитывая дар малышки, ставит под угрозу весь мой бизнес. Не говоря уже обо мне самой.

– Агата! – Судорожно вздохнув, помощница прижимает руки к груди. – Как ты можешь? Она же совсем малышка! Ей нужна наша помощь!

– У малышки есть надёжный защитник. – На этих словах губы искривляются в саркастической улыбке, а в зеркале напротив я сталкиваюсь взглядом с Фастом.

Он наблюдает за мной так же, как и я за ним. Изучает мои эмоции, ища, где можно продавить. Но не в этот раз, грат Фаст!

– Как хочешь, но у меня дельное предложение. – Маркус со вздохом отворачивается от меня и принимает из рук Мири тарелку с похлёбкой. – Ты доставляешь нас в Аркадос...

Тут я не выдерживаю и смотрю на него округлившимися глазами.

– А я щедро тебе за это заплачу!

– Щедро? – Я вновь позволяю себе скептическую улыбку, смерив собеседника оценивающим взглядом. – Не особо ты похож на богатого мецената.

На мои издёвки Маркус лезет во внутренний карман пальто, я вижу искры защитной магии, и на столешницу передо мной падает толстая пачка *империтов*. Счетовод в моей голове

уже быстренько посчитал сумму и прикинул, что этих денег хватит, чтобы хотя бы немного поправить наши пошатнувшиеся запасы армелита.

– Этого не хватит даже на то, чтобы устранить ущерб, нанесённый твоим визитом. – Сглатывая ком в горле и задирая нос, я отодвигаю пачку от себя.

– Какой ущерб? Я ничего не сделал! – В глазах Маркуса я вижу искреннее недоумение.

– Ты забыл, как закрывать двери в рудохранилища?! – Я всё же выхожу из себя и поворачиваюсь к нему, гневно сверля его глазами. – Пока ты искал, куда спрятаться, малыш Кропалёк уничтожил всё наше топливо!

Какое-то время Фаст смотрит на меня ошарашенно, будто не понимает сути претензии, а потом разражается громким смехом.

– Прости, я успел забыть, какой он у тебя прожорливый.

Наглец тянет руку к фуршуню, но тот цапает его за палец. Хотя кто-то из всей моей команды солидарен со мной.

– И колючий, весь в хозяйку. Хорошо, Агата. Это, – Маркус кивает на империты на столе, – лишь треть от общей платы. Плюс три вагона очищенного армелита. Это моё предложение.

Я смотрю на мужчину перед собой. Он, как всегда, уверен в себе и наверняка не ждёт отказа. Конечно, предложение более чем щедрое. Но я знаю: где высокая плата, там и риск соразмерный.

– Нет, – вновь говорю я, отворачиваясь от него и поднимая чашку. – Завтра мы прибываем в Лодброк – на том наши пути расходятся.

Я сижу ровно, спина напряжена, как струна, и, когда Маркус внезапно склоняется надо мной, я непроизвольно вздрагиваю.

– Не торопись, подумай, – говорит он и легко кивает в сторону пачки. – Это компенсация за моё вторжение.

В горле застревает возмущение, хочется оттолкнуть его и уже сейчас выгнать из поезда, но я лишь передёргиваю плечами и делаю глоток остывшего напитка. Маркус хмыкает и, подхватив тарелку с похлёбкой, отходит за столик, где Освальд вовсю развлекает Розмари.

– Агата, нельзя же так... – начинает Миранда.

– Знаю, – обрываю я её, с тоской возвращая чашечку на блюдце. – Но по-другому не могу.

– Можешь. – На мои плечи ложатся крупные руки Освальда.

Он совсем по-отечески сжимает их.

Между нами разница в пятнадцать лет, а потому и Мири и Освальд с самого первого дня нашего знакомства воспринимали меня как младшую сестричку. Как ту, о ком всегда нужно заботиться. А я выросла в твёрдой уверенности, что должна отплатить им тем же. Постараться обезопасить их жизнь.

– Нет, Вальд, дела Маркуса никогда до добра не доводили. – Я запрокидываю голову и смотрю в лучащиеся добротой глаза машиниста. – Даже ради малышки я не могу подвергать опасности ни вас с Мири, ни остальной экипаж.

– А я и не настаиваю. – Освальд присаживается рядом и просит жену налить ему чай. – Посмотри на них, на Розмари.

Я поворачиваю голову и искоса наблюдаю за странной парочкой. Розмари забралась на колени к Маркусу, и тот показывает ей фокусы. Что-то, а магия иллюзий – это конёк Фаста, а потому малышка заливисто хохочет, когда вокруг неё по спирали скачет маленький огненный единорог.

Но я вижу и другое: как смотрит на неё Маркус, с какой-то совершенно нетипичной для него эмоцией. Лишь спустя мгновение понимаю: Розмари действительно дорога ему. Что-то едва уловимое между ними. Такое, что заставляет улыбаться, глядя на них. Будто бы перед тобой настоящие отец и дочь.

Это не очередные мутные делишки, как я подумала сначала. Я знаю Фаста, этот авантюрист избегает любой привязанности, боясь этого чувства на подсознательном уровне. И раз он так возится с Рози, значит, тут что-то совершенно другое. Знать бы что. А самое главное – кто родители малышки.

Я качаю головой, прогоняя эти мысли. Чем больше думаю о Маркусе и его названной дочке, тем больше хочу разобраться в этой загадке.

– Агата, – Освальд привлекает моё внимание и дёргает подбородком в сторону девчушки, – посмотри на неё. Примерно в таком же возрасте мы нашли тебя. Только, в отличие от Розмари, у тебя не было заступника. Им для тебя стал старина Руперт. И ты уж прости меня, но он тоже метался в сомнениях: брать на борт маленькую Скользящую и ворох проблем, который она тянула за собой, или скинуть тебя в ближайшем отделении жердей? Результат ты знаешь, и я могу сказать, что с тех пор Руперт жил в полном согласии с самим собой. Он поступил правильно. Поступи и ты по совести.

– Но у Рози есть Маркус, – вяло возражаю я, сняв Кропалька с плеча и рассеянно поглаживая его.

– Пф-ф-ф, Маркус, – фыркает Миранда. – Ты сама видишь, они еле держатся на ногах. Я уж не говорю про внешний вид. Нет, Маркус хорош, когда играет в одиночку. Но им нужна ты, Агата.

Я молча киваю, давая понять, что услышала друзей. И снова бросаю взгляд на того, кто приносит в мою жизнь одни неприятности. Только сейчас у этой проблемы светящиеся надеждой голубые глаза и совершенно пленительная улыбка.

Нехотя поднявшись, я подхожу к столику, уже зная, что скажу. Фаст вскидывает на меня взгляд и напряжённо улыбается. Надо же, мне всё же удалось заставить его понервничать!

– Гратта Агата, – радостно зовёт меня Рози, – смотрите, папа умеет пускать искры!

– И пыль в глаза, – дополняю я, переводя взгляд с девочки на её «отца». – Четыреста тысяч империтов и четыре вагона армелита – и я в деле.

Кропалёк в этот момент снова «прыгает» порталом на руки Рози, а Фаст ссаживает её с колен и смотрит на меня. От этого взгляда хочется поёжиться, но я держу себя в руках.

«Ты самостоятельная и сильная, на тебе огромная ответственность за команду и поезд», – твержу я сама себе.

– Четыреста тысяч империтов и три вагона, – сузив глаза, поправляет меня Маркус.

– Четыреста тысяч, три вагона – и ты не пристаёшь ко мне, – озвучиваю я окончательные условия.

– И я не пристаю к тебе, – кивает хитрец и, лукаво улыбнувшись, добавляет: – Пока ты не захочешь.

Боги всех миров, на что же я подписалась?!

Глава 3

Бытовые причуды

– Доброе утро, Миранда! – говорю я, входя в столовую ранним утром.

Я люблю это время, когда пассажиры ещё не проснулись, а с кухни уже ароматно пахнет ванилью и сдобой. Это какой-то особенный момент – между ночным бездействием и дневной суетой. Миг, наполненный умиротворением и ожиданием чего-то нового.

«Миг, который ты вечно тратишь на отчёты!» – мелькает в голове, и я со вздохом кошусь на увесистую папку под мышкой. Что поделать, если ты хозяйка маленького, но гордого межмирового экспресса?

– Агата, солнышко, тебе как всегда? – Мири появляется в проходе кухонного закутка, вытирает руки о передник и проходит за стойку.

Я киваю и присаживаюсь за любимый стол в конце вагона. Отсюда удобно наблюдать за всеми пассажирами, которые вскоре заполнят небольшое помещение столовой. И окно здесь самое большое во всём вагоне. Помню, я долго донимала Руперта расспросами, почему все вагоны нашего «Торопыги» такие разномастные, пока он не признался, что часть из них собирал сам, а часть покупал на свалках, восстанавливал и присоединял к составу. Так было дешевле.

У дяди Рупа была странная тяга к восстановлению вещей, которые все выкидывали, считая их бесполезными или вышедшими из строя. Иногда мне казалось, что и нас, свою команду, он подбирал по тому же принципу. Все мы были в какой-то мере изгоями – по большей части беспризорники. Или беглецы. Или как я – просто выигрышная комбинация.

Хмыкнув своим мыслям, я приступаю к проверке отчётов. Столбцы цифр и наименований мелькают перед глазами, заставляя меня всё больше хмуриться. Последнее время мы с трудом сводим концы с концами. Армелит исчезает из миров, и цены на него неуклонно растут. Магдвигитель «Торопыги» слишком стар, а потому потребляет больше руды, чем положено, сжирая тем самым все мои накопления. Если тенденции на рынке останутся прежними, скоро мы будем работать в убыток, и придётся осесть на какой-нибудь станции. Превратить «Торопыгу» в очередной отель-ресторан-бар. Или во что там сейчас превращают списанные в утиль поезда?

– Милая, всё хорошо?

На стол передо мной опускается поднос с двумя чашками капучино и яичными сэндвичами. Миранда присаживается напротив и с тревогой смотрит на меня, пока я откладываю дела и, втянув кофейный аромат, устало перевожу взгляд в окно.

– Ничего такого, что могло бы побеспокоить тебя, Мири, – отвечаю я, не желая ещё больше тревожить подругу. – Всего лишь отчёты, всего лишь занудные графики и схемы. Тебе и девочкам хватает продуктов? Я пока не добралась до ревизии холодильников.

– Да-да, ещё на три рейса точно хватит. Хотя надо внести поправку на наших новых пассажиров.

Я бросаю взгляд на довольно улыбающуюся пухляшку. Больше всех сегодня ночью увеличению нашего состава радовалась как раз Миранда. Добрая душа, что бы я без неё делала?

– Подай мне расчёты сегодня к обеду, надо будет докупить необходимое уже в Лодброкке, – говорю я и помечаю это дело в блокноте. – Надо, наверное, ещё и вещей для Розмари купить. Маркус не особо об этом заботился.

Последнее я говорю скорее для себя, но понимающая улыбка Миранды подсказывает: я выдала себя с головой. Как бы ни хотелось этого признавать, но судьба малышки меня дей-

ствительно тревожит. И пропала я ровно в тот момент, когда на меня уставились испуганные голубые глазки девочки.

– Кстати, о наших гостях... Где ты их разместила? – Мири откидывается на спинку диванчика и как ни в чём не бывало принимается за кофе.

– В голубом вагоне. – Я позволяю себе ехидную ухмылку и тут же прячу глаза, видя, как хмурится помощница.

– Агата! Но ведь там совсем маленькие купе! На одного человека! – Мири всё-таки взрывается праведным гневом. – Как тебе не стыдно, юная гратти!

И она замахивается на меня полотенцем, в то время как я, хихикая, прикрываюсь папкой.

– Я знаю Маркуса, он не позволит малышке Розмари спать на полу, – сквозь смех говорю я.

– Это не отменяет того, что твой поступок отдаёт ребячеством и застарелой обидой. Агата, ты постоянно подчёркиваешь свою взрослость и самостоятельность, а тут повела себя как подросток!

Воспитательный процесс прерывает Кропалёк, с громким хлопком появившийся прямо на столе. Малыш осматривается и тут же суёт нос в пиалу с орехами фисшью. После армелита это второе, за что фуршунь готов биться до последнего вздоха. Маленький обжора.

– Стараюсь соответствовать твоему видению. Сама же вечно меня «гратти» называешь.

Мне хочется показать подруге язык, чтобы ещё больше подтвердить её слова, но всё же я сдерживаю себя. Хватит уже идти на поводу той Агаты, что проснулась во мне при появлении Маркуса.

– Однако ты зря переживаешь за Розмари.

– Откуда такая уверенность в том, что девочка провела ночь в комфортных условиях? – недоверчиво прищуривается на меня Мири.

– А вот сейчас и узнаем. – Я киваю на Кропалька и поддвигаю его к себе.

Фуршунь недовольно фырчит и даже пытается отбиваться, цепляясь лапками за пиалу. Но куда ему против меня! Особенно когда мне нужно узнать, как прошла ночь в маленьком купе в самом отдалённом вагоне «Торопыги».

Зверёк сдаётся и обречённо глядит мне в глаза, посылая мыслеобраз. Именно тот, какой я и ожидала увидеть. Крохотное помещение, в котором нашлось место только узкой койке и небольшому столику, погружено в предрассветные сумерки. Как я и предполагала, Розмари спит на кровати, вольготно развалившись звездой. Что бы ни думала сейчас про меня Миранда, но, перед тем как заселить незваных гостей в это купе, я распорядилась принести туда лучший матрас из наших запасов. У меня счёты к Маркусу, и незачем малышке страдать из-за того, что её так называемый папа – то ещё жульё и проходимец.

Сам объект моей маленькой пакости спит на полу, поджав ноги и укрывшись своим же пальто. И вот этот вид не приносит мне никакого удовлетворения. Я с досадой понимаю, что вместо ощущения свершения хоть и маленькой, но всё же мести я чувствую угрызения совести. Почему-то мне становится жаль Фаста, будто он не ночь на полу провёл, а оказался выброшен на свалку жизни. И от этого внутри как-то... гадко, что ли? Будто бы я надавила на и так болезненное место. Внутри начинает свербеть от чувства вины, и это ещё больше портит мне настроение.

Права Миранда: ребячество всё это. Пора бы уже забыть обиды на этого эгоиста и вести себя, как и положено деловой гратте. Тем более у нас очень выгодная для меня сделка.

Я мотаю головой, тем более что в видении Маркус приподнимает голову и сонно смотрит прямо на меня. Точнее, на фуршуна, который по моему велению весь остаток ночи следил за нашими гостями. По мелькнувшей на губах мужчины понимающей улыбке становится ясно: Фаст мой манёвр раскусил. Ну что ж, значит, стоит ожидать очередной раунд обмена колкостями и остротами.

– Мири, подай, пожалуйста, завтрак на двоих пассажиров. Розы и Маркус уже скоро будут тут. – Я отвожу взгляд от Кропалька и вновь открываю папку с отчётами.

Помощница тут же спохватывается и убегает на кухню, ненадолго оставляя меня в одиночестве. Правда, углубиться в отчёты мне не удаётся, поскольку буквально через десять минут дверь в столовую с грохотом распаивается. Фуршунь испуганно икает, переворачивает пиалу с орехами и забивается мне под бок.

А я, пряча улыбку, наблюдаю за приближающимся ко мне Маркусом. Если не вспоминать показанное Кропальком видение, то помятый вид Фаста всё-таки приносит мне лёгкое удовлетворение. За мужчиной, позёвывая, идёт Розмари, и мой маленький предатель с громким писком бросается к девочке. Похоже, я рискую остаться без персонального талисмана!

– Агата! – останавливается передо мной Фаст, и в его голосе звучит праведное негодование.

– Доброе утро, грат Фаст, – не поднимая головы от отчётов, произношу я подчёркнуто отстранённо, а сама еле сдерживаюсь, чтобы не усмехнуться. – Как спалось?

– А то ты не знаешь. – Маркус падает на диванчик напротив и пристально смотрит на меня. – Знаешь, это вовсе не смешно!

Малышка Розы пристраивается рядом с «папой» и сонно наблюдает за тем, как фуршунь тащит к ней пиалу с орехами.

– Да? – Я скидываю брови в показном недоумении. – Так я и не шутила. Места были только в голубом вагоне. Уж прости, но у меня нет привычки придерживать лучшие места для возможных безбилетников. Это, знаешь ли, плохо для бизнеса.

Маркус в ответ молчит, лишь сверлит меня недовольными глазами.

«Будто отшлёпать хочет», – мелькает в голове, и от этой мысли я покрываюсь румянцем. Надо срочно на что-то отвлечься, иначе этот проходимец быстренько поймёт, откуда у меня такая повышенная краснощёкость взялась.

– Розы, а как спалось тебе? Мне кажется или твой папа наговаривает на моё гостеприимство?

– А мне понравилось, – отвечает девочка, успев запихнуть пару орешков в рот. – Если бы ещё папа не храпел, то я бы точно выспалась.

Я прикрываю рот ладонью в попытке скрыть довольную улыбку, а Маркус изумлённо смотрит на малышку, явно не ожидая от неё такой откровенности.

– Да не храпел я, – выставив локти на стол и утыкаясь лбом в скрещённые ладони, говорит он. – И вообще, все храпят, когда им неудобно.

К нам подходит Миранда и ставит перед гостями поднос с завтраком. По тому, что лежит на тарелках, я понимаю, что продукты закончатся гораздо быстрее: Мири решила побаловать Розы и Маркуса, отойдя от стандартного меню. По крайней мере, вафли с ягодами и яичница с сосисками подавались у нас очень редко.

Пока эти трое общаются и обмениваются последними новостями, я продолжаю просматривать отчёты. То и дело ловлю на себе взгляды Маркуса. Он смотрит на меня совсем не так, как два года назад. Тогда я была для него влюблённой дурочкой, чувствами которой было легко манипулировать. Которая для него была открытой книгой.

Нет, сейчас в его взгляде сквозит искренний интерес. Будто только сейчас он начал воспринимать меня как ту, с кем надо считаться. А ещё в этом его изучающем прищуре я вижу нечто, чего никогда не было раньше. Так Роди и Дерек, мои стюарды, смотрят на помощниц Миранды – с чисто мужским интересом.

Возможно, два года назад эта информация меня бы взбудоражила, заставила пытаться заслужить ещё большее внимание Фаста. Сейчас же я лишь передёргиваю плечами и вновь выпрямляю спину. Как делаю всегда, когда хочу показать, что всё у меня под контролем.

– Ты посмотри, какая важная гусыня, – смеясь, говорит Миранда. – Нет бы пообщаться, она всё в своих бумагах роется.

– Праздные разговоры не принесут нам денег, Мири, – строго говорю я и закрываю последний отчёт. – Розы, ты когда-нибудь видела момент перехода?

Девочка, секунду назад с упоением уплетающая вторую порцию вафель, тут же отодвигает от себя тарелку и с энтузиазмом смотрит на меня. И молчит, потому что по количеству напиханной за щёки еды может запросто соревноваться с Кропальком. Последний и вовсе счастливо распевает сонные рулады, свернувшись клубком в пустой пиале.

– Понятно, значит, не видела, – усмехаюсь я и смотрю на запястье, где подаренные дядей Рупертом часы подсказывают мне, что очень скоро мы прибудем в Лодброк. – Тогда, если твой папа не против, я украду тебя на пару минут, и мы посмотрим на это действие из кабины машиниста!

– Пап?

– Да боги всех миров, когда я тебе что-то запрещал? – Маркус взмахивает руками, показывая, что мы можем идти. – Тем более гратте Агате я доверяю как самому себе.

Я скептически приподнимаю бровь, тем самым сигнализируя, что попытка подлизаться не удалась. Фаст лукаво улыбается в ответ и подталкивает Розы ко мне:

– Идите-идите, а мы тут с Мирандой пока обсудим дела наши житейские. Правда, Мири?

Я закатываю глаза, но комментировать внезапно появившийся у этого плута бытовой интерес считаю лишним. Ну хочется ему распушить пёрышки перед старой подругой – пускай. Главное, меня в покое оставит.

Взяв Розы за тёплую ладошку, я увлекаю её за собой. И всю дорогу по проходу между столами ощущаю просто обжигающий взгляд в спину, однако обернуться себе так и не позволяю: незачем Маркусу знать, что на меня действуют его приёмчики!

– Розы... – зову я, когда мы выходим из столовой и идём коридором, который огибает весь состав по внешней стороне.

Не хочется тащить девочку через все вагоны, тем более сейчас пассажиры уже наверняка потянутся на завтрак.

– Розы, а как ты познакомилась с папой?

Я украдкой оглядываюсь, отслеживая реакцию малышки на вопрос. Мало ли, для неё это, может, болезненная тема, а я вовсе не хочу её отпугнуть раньше времени.

– Папа сказал, что сам расскажет. – Лицо малышки моментально становится серьёзным, из глаз уходит восторженное выражение.

Мне же остаётся только ругать себя за топорную прямолинейность, с которой я решила лезть в душу малышки. Надо же, как её Маркус подготовил, со всеми вопросами отправив к нему. Знает же, что его расспрашивать – это всё равно что вести торги с доминионскими торговцами. Тебе вроде бы и всю информацию выдают, а ты сидишь и думаешь: а какой процент из всех сведений правдив?

– Хорошо, тогда подождём, пока твой папа из благородных пиратов соизволит хоть немного ввести меня в курс дела, – подпускаю сарказма в голос.

– Зря вы так, – тут же реагирует Розы, бросаясь на защиту Фаста. – Дядя Мар... то есть папа, он весь год пытается меня спасти и укрыть от жердей!

Я останавливаюсь, оглушённая новостью. Маркус, этот шалопай и законченный эгоист, целый год возится с девчушкой! И тут либо баснословное вознаграждение назначено, либо Розмари ему действительно дорога. Знать бы почему.

– Розы. – Я присаживаюсь перед воинственно нахмурившейся девочкой. – Я ничего плохого против твоего дяди Маркуса не имею. В противном случае давно бы сдала вас жандармам. Веришь?

Малышка кивает и утирает нос рукавом рубашки, в который раз напоминая мне, что я собиралась заняться её гардеробом.

– Розы, тебе, как юной гратти, нужны подходящие наряды, – меняю тему разговора, мысленно делая себе зарубку пока не возвращаться к теме прошлого девочки. – Ты не против, если я лично займусь твоим внешним видом? На станции тебе лучше не выходить: мало ли, вдруг там будут патрули.

– Хор-рошо, – слегка заикнувшись, отвечает Розы.

Видимо, не ожидала, что наш разговор свернёт в такое русло.

– Но мне и моя одежда нравится, её мне ещё мама перешивала. Кроме пальто. Пальто мне папа нашёл. – Розмари, сама того не замечая, выдаёт мне крупинки информации, по которым я смогу гораздо качественнее допросить Фаста.

– Я не спорю, но вот та же рубашка, – мы продолжаем движение в головной вагон, – она перешита с запасом, висит на тебе. Это привлечёт внимание сердобольных жителей. А там, где есть суэта, туда стекаются наши хранители порядка. Понимаешь, о чём я?

– Понимаю, – расстроено кивает девочка и молча следует за мной.

– Я не говорю, что мы выкинем твою старую одежду. Просто прикупим новой, а эту оставишь до тех времён, когда дорастёшь. Договорились? – мягким голосом пытаюсь успокоить малышку.

– Да, – односложно отвечает она и внезапно прижимается ко мне, обхватив руками за пояс. – Спасибо.

Я замираю, не зная, что делать дальше. Чувство странной неловкости пополам с щемящей нежностью борются за место в моём сердце. Удивительные способности у детей: они с такой лёгкостью входят в твою зону комфорта, что ты не успеваешь и возмутиться. Принимаешь как данность и не пытаешься их оттуда выставить, как самых незваных в мире гостей.

– Всё будет хорошо. – Осторожно поглаживаю макушку Розы, чувствуя, как в ответ девочка сжимает меня ещё сильнее, будто боится, что я оттолкну её. – А теперь нам надо поспешить. Иначе пропустим очень красивое зрелище!

В кабину Освальда мы входим как раз в тот момент, когда за большим выпуклым иллюминатором, что венчает нос вагона, проявляются первые признаки прорыва межмировой грани. Пространство вокруг нас переливается, словно мыльная плёнка на воде.

– Девочки? Пришли посмотреть на переход? – Нас замечает Освальд и приподнимается со своего места за пультом управления. – Идите сюда, здесь лучше видно!

Я подталкиваю заворожённо смотрящую в окно девочку вперёд, а сама остаюсь на месте. Кабина «Торопыги» слишком мала, чтобы в ней разместились мы трое. А у иллюминатора и вовсе места нет. Освальду приходится усаживать Розы на колени, чтобы она не пропустила ни секунды этого светопредставления.

Переход тем временем достигает своего апогея. Тьма Межмирья, подсвеченная вспышками всех цветов радуги, истончается, обозначая вокруг нас фантомные виды нового мира. Я вижу, как далеко впереди призрачные рельсы, по которым движется наш состав, переходят невидимую грань и становятся материальными.

Мне в голову приходит мысль, что я могу сэкономить нам армелит, просто подпитав своей магией движитель «Торопыги». Если бы не постоянная опасность засветиться перед жандармами, я бы так и делала. Но большую часть времени приходится скрываться и делать вид, что я обычная гражданка Доминиона.

В тот момент, когда я уже кладу руку на резервуар движителя, меня за талию оттягивает на себя кто-то невидимый.

– Агата, не стоит, – прежде чем я успеваю испуганно вскрикнуть, обозначает своё присутствие Маркус, и моего уха касается тёплое дыхание. – Не забывай, что за нами сейчас будут следить с особой тщательностью.

Я оборачиваюсь на Маркуса, который полностью скинул иллюзорный покров, и киваю. Желание отчитать его за то, что позволил себе невидимой тенью следовать за нами, очень велико, но я говорю себе, что сделаю это позже. Когда свидетелей будет меньше.

– Агата! Это так здорово! – доносятся до меня восторженные пiski Розмари, которая крутится на руках Освальда, пытаюсь рассмотреть всё вокруг.

Всё же окошко в кабине слишком мало, чтобы увидеть переход во всей его красе. Но я знаю, как выглядит это явление снаружи: когда весь состав окутывается сетью зелёных разрядов, а грань миров разрывается слой за слоем, осыпая поезд разноцветными искрами.

Я с улыбкой наблюдаю за этой неподдельной радостью девочки, и у меня на душе становится светло. Узнаю в Розмари себя: ведь и сама радовалась таким обыденным мелочам как самому большому в мире чуду.

Однако, когда после гулко-го хлопка и встряски, ознаменовавших прибытие «Торопыги» в новый мир, я вижу у одного из перронов хищный силуэт поезда службы равновесия, моя улыбка моментально гаснет.

В Лодбroke нас ждал тот самый Рикард Ремер.

Глава 4

Гребёж средь бела дня

– Агата, не дури, я пойду с тобой. – Маркус хватает меня за руку, когда я, надев лёгкий полушубок, собираюсь выходить из вагона. – Лодброк и в обычное время не самое спокойное место. А тут ещё и жандармы!

Я разворачиваюсь и бросаю снисходительный взгляд на его руку, по-прежнему сжимающую моё запястье.

– С тобой я рискую больше, чем без тебя. – Выкручиваюсь из захвата и открываю дверь. – Маркус, я могу за себя постоять. Пришлось научиться.

Не дожидаясь его возражений, спрыгиваю на покрытый снегом перрон и оглядываюсь. Город встречает нас метелью, которая с каким-то садистским удовольствием загоняет снежинки мне под подол платья, швыряет их в лицо. Но это мне на руку. Я не знаю, где сейчас командор: рыщет ли по улочкам или сидит у себя в поезде. Но в одном могу быть уверенной абсолютно точно: за этим снежным буйством шансов остаться незамеченной у меня намного больше.

– Как была упрямницей, так ею и осталась, – раздаётся за спиной.

А затем меня окутывает теплом защитной магии. Похоже, за годы скитаний Маркус обучился новым приёмам помимо врождённой способности творить иллюзии.

– Не больше, чем ты, – парирую я, не оборачиваясь и выжидая, пока Маркус подойдёт ко мне. – Раз ты всё же решил сопровождать меня, будь добр, не лезь в мои сделки. Хорошо?

– И не думал. – Проходимец одаривает меня дежурной улыбкой, которую Мири в своё время называла «обаяшка».

– Не надо, – одёргиваю я его, а потом и саму себя: зачем сказала?

– Чего не надо? – в недоумении вскидывает брови Маркус. – Греть тебя не надо?

– Вот этих твоих улыбок не надо, – со вздохом поясняю я, пропуская спешащих в здание вокзала пассажиров.

Некоторые из них вежливо прощаются, остальные просто проходят мимо, упорно делая вид, что не видят меня. Всё-таки в этот рейс недовольных клиентов оказалось больше, чем я предполагала. И как бы мне ни хотелось списывать всё на вынужденную остановку на время обыска, но всё же приходится признать: «Торопыге» требуется ремонт и модернизация. Купе устарели, кухня не справляется с возрастающими запросами пассажиров. Мири и девочки стараются изо всех сил, но я давно хотела отправить их на курсы обучения бытовой магии. Где только деньги на всё это найти?

Обдумывая предстоящие траты, я останавливаю изучающий взгляд на Маркусе.

– Что? – вновь удивляется он. – Я не так одет? Не так смотрю? Снег на меня неравномерно ложится?

– Пожалуй, в сугробе ты бы смотрелся эстетичнее, – не удерживаюсь я и хихикаю. – Я тут подумала, что мне нужен залог – половина обещанной суммы.

– Вот как ты заговорила. – Безмятежность вмиг сдувает с его лица. – Нет, дорогая, залог я отдал тебе вчера, а половину суммы получишь, когда мы преодолеем половину пути.

– А говорил, что доверишь мне как самому себе, – фыркаю в ответ и разворачиваюсь на выход. – Что ж, раз от тебя всё равно не отделаться, тогда будь моей тенью. Не хочу, чтобы местные торговцы при виде тебя заломили мне тройную цену.

– Это с чего это такие выводы? – Маркус пристраивается рядом, предлагая мне руку, и я для вида благочестивой пары беру его под локоть.

И если в голосе Маркуса сквозит праздное любопытство, то вот язык его тела говорит совсем другое: авантюрист напряжён и буквально сканирует каждого, кто проходит мимо нас.

– А с того, что твоя слава бежит впереди тебя, Маркус Риглер Фаст. – Я с явным удовольствием наблюдаю искреннее удивление на лице этого плута. – Любой торговец на внешних мирах знает, что с тобой нужно держать ухо востро. Иначе останешься без последних порток.

– Наговаривают, – пожимает плечами мужчина, – всего-то пару дельцов обвёл вокруг пальца. Но они сами напросились: пытались обмануть меня и мою команду.

Очередная острота чуть не срывается с губ, когда до меня доходит смысл его последних слов. У него была команда...

Какое-то время мы идём в тишине заснеженного городка. В этом мире уже вовсю готовятся к празднованию местного Нового года – праздника Новых Лун, и все улочки украшены разноцветными гирляндами, а уличные фонари изображают сменяющие друг друга три небесных светила. Где-то слышен детский смех и зазывания уличных торгашей, но это всё доносится сквозь снежную пелену, оставляя нас с Маркусом в каком-то подобии кокона, в какой-то карманной вселенной.

– А где они сейчас? – наконец-то задаю я мучающий меня вопрос, а потом меня и вовсе прорывает: – Твоя команда? И родители Розы? Где тебя вообще носило эти два года?

Лицо Маркуса на миг будто каменеет, но уже в следующий миг он бросает на меня мягкий понимающий взгляд.

– Долго же ты сдерживала любопытство, моя фуршунька, – припоминает он прозвище, которым наградил ещё в детстве, когда я маленькой влюблённой девочкой бегала за ним, под ростком, и, не успевая догнать, «прыгала» по вагонам, как сейчас это делает Кропалёк. – Ты уверена, что здесь уместно вести такие разговоры?

Он одним поднятием брови указывает мне на приближающийся патруль местных служителей порядка. Не жандармов, конечно, но и от них можно проблем отхватить.

Поэтому, чтобы не вызывать подозрений, мы вежливо раскланиваемся со службистами, обозначаем цель своего пребывания в городе и двигаемся дальше. Но всё это время я чувствую, как меня снедает любопытство. Ещё чуть-чуть – и я начну подпрыгивать от нетерпения. И так всегда, когда рядом Маркус: от уравновешенной и спокойной Агаты не остаётся и следа, он будто вирус, который заряжает меня жаждой активности.

– Если не хочешь говорить в открытую, Расскажи мне легенду, – предлагаю я ему и, видя, как непонимающе он хмурится, добавляю: – Как делал это в детстве, когда рассказывал о своих похождениях так, чтобы Руперт не понял и не заругал.

Маркус по-доброму хмыкает, и я замечаю в его глазах намёк на ностальгию. Не одна я скучаю по старым временам, когда единственной моей заботой было не дать магии вырваться из-под контроля.

– Что ж, хорошая идея. – На губах Маркуса появляется лукавая улыбка. – Тогда слушай. Это история об одном очень храбром и крайне умном пирате Фаскусе Марте...

– Судя по его имени, он не просто умён, он ещё и изобретателен, как тысяча имперских артефакторов! – не удерживаюсь я от комментария и широко улыбаюсь.

– Не перебивай, – одёргивает меня Маркус с напускной строгостью. – Хотя если будешь каждый раз так улыбаться, то можешь продолжать.

Я покрываюсь румянцем от столь прямолинейного комплимента, но надеюсь, что Маркус спишет это на царящий на улице мороз. Что не спасает меня от очередного выговора: хватит так реагировать на бывшего друга... или мужчину – я для себя так и не решила. Однако пора бы уже взять эмоции под контроль. Контроль – это то, чему я училась всю сознательную жизнь. Неужто не справлюсь с чувствами к этому проходимцу?

– Я для кого рассказываю? – доносится до меня обиженное, и я понимаю, что, погрузившись в себя, выпала из разговора.

– Прости. – Я виновато улыбаюсь, старательно отводя взгляд от Маркуса. – Просто столько всего в голове, эти бесконечные отчёты и траты – очень тяжело поддерживать светскую беседу. Так что там с нашим благородным Фаскусом?

– Плутовка, – хитро шуруется на меня он. – Ладно, слушай дальше. Долгое время наш герой собирал личный поезд и команду. Частенько навещался к своему учителю Пурету и его милой дочурке Атаге. Последнюю, к слову, он считал своим самым лучшим другом. А после того, как девочка выросла и превратилась в прекрасную женщину, и вовсе влюбился без ума.

– Да не было такого! – Я вспыхиваю и пытаюсь вывернуть руку из-под локтя Маркуса. – Не любил Фаскус Атагу!

– Тш-ш. – Фаст успевает зажать мою ладонь и успокаивающе похлопывает по ней. – Хорошо, не любил, но совершенно точно считал её самым близким человеком. Особенно после смерти учителя.

На какое-то мгновение мы оба замолкаем. Идём в этой морозной тишине, каждый в своих мыслях. И вот не пойму я, от чего мне больше: от того, что он так легко согласился с тем, что два года терзало мне сердце, или от напоминания о смерти приёмного отца.

– Дальше? – с трудом сглатывая комок в горле, прошу я.

– Фаскусу удалось собрать верных людей, и вместе с ними он долгое время путешествовал от мира к миру. – Он продолжает рассказ, не глядя на меня, становясь непроницаемым, будто ему не хочется, чтобы я поняла, что из рассказа правда, а что выдумка. – Помогал добпорядочным гражданам и отбивал экспрессы у злых корсаров.

– Пока... – подталкиваю я течение повествования к финалу.

– Что «пока»? – встрепенувшись, переспрашивает друг.

– Ну, обычно в такой момент в легенде возникает «вот это поворот!», после которого у героев всё катится в дыру Межмирья.

– А, ты об этом. – Маркус улыбается, но улыбка его какая-то вымученная. – Тут всё просто. В команде Фаскуса был его лучший друг со своей семьёй – красавицей-женой и милой маленькой дочуркой. Наш герой души не чаял в малышке Марирози. И всё бы было хорошо, если бы не редкая болезнь девочки, приманивающая к себе поганных жердей. Однажды на поезд Марта напала целая колония этих паразитов. Они перебили практически всю команду Фаскуса, но тот сумел спастись и забрать с собой девчущку, пообещав её умирающим родителям позаботиться о ней.

В этот момент мы останавливаемся перед лавкой знакомого торговца, и Фаст открывает мне дверь.

– Иди, Агата, у этой легенды не дописан финал. И какой он будет – лишь тебе решать.

Скрыть то, насколько меня поразила история Маркуса, не удаётся. Я потрясённо гляжу на друга и понимаю, что большего сейчас не услышу. Его лицо словно окаменело, разгладились даже мелкие смешливые морщинки вокруг глаз – настолько он напряжён. Поэтому я лишь рвано киваю и захожу в лавку. Фаст, исполняя моё пожелание, остаётся снаружи и постоянно осматривается, будто ни на миг не может расслабиться.

Всё время, пока я договариваюсь с местным поставщиком армелита и выторговываю скидку, меня не покидают мысли о том, что рассказал Маркус. Если раньше он частенько приукрашивал свои похождения, то тут я была больше чем уверена, что всё сказанное – правда. Очень большая для него правда. Я снова оглядываюсь на дверь, за стеклянным окном которой маячит тёмный силуэт друга. И сейчас у меня нет никакого желания на него злиться и разжигать огонь обид. Каким бы хитрецом и манипулятором ни был Фаст, но такое он бы не стал выдумывать. И значит, что ему и Розмари действительно нужна помощь. Осталось узнать, почему доставить их необходимо именно в Аркадос – город, который все Скользящие обходят стороной.

– Гратта Хардисс, даже принимая во внимание наши с вами длительные и плодотворные отношения, я не могу сделать вам скидку. – Эндлер, высокий усатый торговец с вечно усталыми глазами, озвучивает приговор, не глядя на меня.

Перекладывает списки, сортирует отчёты – лишь бы не смотреть мне в глаза.

– Армелит в очередной раз подорожал. У меня осталось всего четыре тонны руды, которые я готов продать по старой цене. Так сказать, по старой дружбе.

– Но этого едва хватит, чтобы добраться до соседнего мира! – Я стараюсь держать себя в руках, но в голосе всё равно прорезаются нотки отчаяния.

– Агата... – Эндлер откладывает документы и наконец-то смотрит на меня с теплом и добротой, но всё же я вижу в этом взгляде принятое решение. – Я и так иду тебе на уступки. Доминион повысил налоги, армелит дорожает буквально каждый день, а у меня пять голодных ртов на руках. Забирай четыре тонны, поднимай расценки на перевозки – и будет тебе счастье.

Мне хочется возразить, может быть, даже поскандальить. Но вбитые Мирандой манеры не позволяют мне окончательно выйти из себя. Я лишь степенно киваю и ставлю магическую подпись на контракте.

– Спасибо, грат Эндлер, я ценю вашу доброту, – умудряюсь выдавить из себя положенную любезность и разворачиваюсь к выходу.

Торговец что-то бубнит про себя и отходит к старому допотопному почтовому передатчику. Бросает туда наш договор, что успокаивает меня: уже через пару минут на вокзале начнётся загрузка купленной руды в хранилища «Торопыги».

– Судя по твоему лицу, моё отсутствие никак не улучшило условий сделки. – Похоже, пока меня не было, бывшее благодущие вернулось к Маркусу.

– Да, – коротко бросаю я и сбегаю с крыльца.

Что-либо объяснять нет никакого желания, потому я лишь молча осматриваюсь по сторонам, прикидывая в уме мало-мальски дельный план.

– Всё так плохо? – Маркус с ободрающей улыбкой заглядывает мне в лицо.

– Да, моих денег хватило лишь на небольшую партию армелита. Он снова подорожал. Так что, если хочешь, чтобы я доставила вас в чёртову столицу, тебе всё-таки придётся раскошелиться. – Я перестаю блуждать взглядом по улице, возвращаясь к Маркусу.

Строго так смотрю, чтобы он проникся сложностью ситуации.

– Кхм. – Он взъерошивает волосы на затылке, и это его «кхм» мне совсем не нравится: не сулит ничего хорошего это его хмыканье. – Агата, тут такое дело... Остальные деньги спрятаны в надёжном месте, в Лобуларе, если быть точным. – И, видя, как ошарашенно округляются мои глаза, он продолжает говорить быстро-быстро, будто бы пытаясь переключить моё внимание: – Но прежде чем ты начнёшь злиться, у меня для тебя подарок! Я заметил, что ты себя во всём ограничиваешь. В соседней лавке увидел вот это и решил, что тебе понравится.

Он протягивает мне упакованный в шуршащую бумагу странный прямоугольник. В каком-то отупении я принимаю подарок и слегка надрываю обёртку, чтобы узнать, что это. Внутри оказывается магпланшет для рисования. Раньше я очень любила это дело, даже училась у наших пассажиров-художников и всегда мечтала о таком приспособлении. Но постоянно откладывала покупку, потому что всегда находились более важные дела, куда уходили последние деньги. Деньги...

– Ты издеваешься? – Я гневно замахиwaюсь подарком на Фаста, и тот в шутиwом испуге прикрывается рукой. – Ты вот сейчас серьёзно, Маркус?! Мы еле концы с концами сводим, а ты тратишь последние империты на планшет?! Я себя во всём ограничиваю?! Так в этом и твоя заслуга!

Я луплю его по спине, плечам, вспоминая весь ужас нашего нищенского существования, когда он бросил «Торопыгу», прихватив практически все мои сбережения. Злобы во мне столько, что, умей я вызывать пламя, сожгла бы весь город. Ни на грамм этот идиот не изме-

нился: как был пустозвоном и любителем пустить пыль в глаза, так им и остался! Чувствуя, как кончики пальцев начинает покалывать от скопившейся силы, от желания прямо сейчас отправить Маркуса в межмировой вояж, я глубоко вдыхаю и пытаюсь успокоиться. Нельзя, нельзя слетать с катушек. У меня команда, Мири и Освальд. Теперь и малышка Розмари.

– Я как-то на другую реакцию рассчитывал, милая. – Он уворачивается от ударов и отпускает мне свою дежурную «обаяшку», а сам бросает мимолётный взгляд за мою спину.

В следующую же секунду меня хватают в охапку и затаскивают в переулок между двумя магазинами. От столь резкой смены обстановки и настроения Маркуса я затихаю и даже вжимаю голову в плечи. Поднявшаяся волна магии застывает где-то на уровне солнечного сплетения, и я физически ощущаю недовольство силы. Будто это живое существо и ему не дали повеселиться.

Фаст тем временем осторожно выглядывает на улицу и молчит. И эта тишина настолько напряжённая, давящая, что я не выдерживаю.

– Если это такая попытка заткнуть меня, то она не удалась. Я всё ещё злюсь! – говорю я недовольным шёпотом.

– Там наш старый знакомый, – только и бросает в ответ Маркус. – Самая большая тварь из жердей, какая только может упасть нам на хвост.

– Командор Ремер, – не спрашиваю – утверждаю я. – Но нам нечего бояться: у меня всё по документам чисто, а ты можешь полог невидимости накинуть.

– Я не за себя боюсь – за тебя. Надо уходить, и быстро. – Мои доводы пролетают мимо Маркуса, как новейший экспресс сквозь два десятка миров.

– Да чего ты так разнервничался? – хмрюсь я и всё-таки выглядываю из-за его плеча.

Через две торговые лавки от нас я вижу знакомые фигуры – командор и два его приспешника. Они идут крайне медленно, выставив вперёд руки в странных объёмных перчатках, меж пальцев которых натянута сверкающая магией сеть.

– Что они делают? – Я бросаю мимолётный взгляд на Маркуса, который при этом пытается задвинуть меня за спину.

– Прощупывают нити пространства, ищут искажения, что оставляют после себя Скользящие. Именно так они вас ловят, Агата. – Маркус наконец-то отводит взгляд от приближающихся врагов и смотрит на меня, поражая тем, насколько сейчас сосредоточен и серьёзен. – Именно так они вышли на Розмари и на мой поезд. Я сейчас проверю тот конец переулка, и, если всё чисто, попробуем пробраться на вокзал дворами.

Я киваю, не в силах что-либо возразить. Не знала, что у жандармов появились такие артефакты и что теперь эти хранители равновесия опасны для меня как никогда.

Пока Маркус отходит в противоположную сторону, я продолжаю наблюдать за приближающимися жердями. И в какой-то момент окружающий меня мир наполняется зелёными бликами, а кое-где видны пятна пространственных разрывов. Сделай шаг – и нырнёшь в Межмирье.

– Ма-а-аркус, – жалобно тяну я, понимая, что это так и не успокоившаяся сила выходит из-под контроля.

Она выплёскивается из меня волнами, которые расходятся пока ещё небольшими кругами, не выходя за пределы переулка и не выдавая патрулю. Но я знаю, что скоро станет хуже. Вместе с нарастающей магией во мне разрастается и паника: рядом нет фуршуна, на которого я могла бы сбросить переизбыток энергии и на которого мы могли бы свалить возмущение в пространственном фоне.

– Агата!

Маркус подбегает ко мне и моментально понимает, что происходит. Хватает мои ладони, а я в каком-то ступоре отмечаю, насколько они у меня маленькие по сравнению с его.

– Агата. – Он притягивает меня к себе, одной рукой за подбородок задирает моё лицо и смотрит прямо в глаза.

С холодным спокойствием смотрит, но я никак не могу перенять этот посыл. Во мне всё бурлит и жаждет свободы.

– Фуршунька, это всё жерди, их артефакты. Ты попала под их влияние, вот твоя магия и сошла с ума. А теперь смотри мне в глаза и считай. Медленно и размеренно, как тебя учили в детстве.

Я киваю и начинаю вполголоса считать, сосредоточиваясь на этом действии и стараясь полностью отключиться от действительности. В глазах Маркуса я вижу своё отражение – бледная, с трясущимися губами и потемневшими от прилива силы глазами. И это ни черта не успокаивает! Что-то на улице привлекает внимание Фаста, и он всего на секунду разрывает наш зрительный контакт, что служит спусковым крючком.

Мир вокруг меня растворяется в зелёном сиянии. Мы с Маркусом оказываемся одновременно и в переулке и в Межмирье. Это опасно в первую очередь для него, умом я это понимаю, но вот сделать ничего не могу: сила совершенно не слушается меня!

– Маркус, – всхлипываю я и цепляюсь за лацканы его пальто, боясь отпустить его и в то же время навредить.

Он переводит взгляд на меня и внезапно склоняется надо мной. Я не успеваю и дёрнуться, как его губы накрывают мои. Маркус целует меня осторожно, не углубляя поцелуй, словно прощупывает реакцию. А я замираю испуганной пташкой, в первый момент даже не думая оттолкнуть наглеца, лишь прислушиваясь к себе. Магия во мне будто бы перенимает моё состояние, тоже притихнув. Я смотрю на Маркуса широко открытыми глазами и не верю в то, что сейчас происходит.

Он же воспринимает мою нерешительность как дозволение продолжить. Прикусывает нижнюю губу, заставляя приоткрыть рот, но, когда его язык проникает внутрь, я словно отмораживаюсь. Принимаюсь сопротивляться и гневно мычать оскорбления ему в губы.

– Во-о-от, смотри, сработало же, – сдавленно усмехается Фаст, всё же отступая от меня. – Теперь я знаю, как тебя отключить.

– О чём ты? – Я принимаюсь нервно поправлять полушубок, бросая на хитреца гневные взгляды.

– Твоя магия... она успокоилась. – Он кивает на мои руки, вокруг которых больше не пляшут зелёные вихри. – Кто бы мог подумать, что для контроля твоих способностей достаточно одного поцелуя. Или это я такой особенный?

Он одаривает меня самодовольной улыбкой, и в то время, когда мне хочется сказать в ответ что-то особенно едкое, в переулок заходят наши старые знакомые. На холёном лице командора вспыхивает неподдельное удивление, но длится это совсем недолго – уже в следующую секунду на меня смотрит хищный зверь, почуявший добычу.

– Гратта Ха-а-ардисс, – тянет он, смакуя каждое слово. – Что ж, как я и предполагал, вы мой клиент. И теперь у меня достаточно доказательств для вашего ареста.

Ремер и его помощники разводят руками, и за каждым движением их кистей в воздухе протягивается переливающийся зелёным след моей магии. Даже фантомные разрывы пространства проявляются.

– Агата, прыгаем! – Маркус не даёт мне и пикнуть, хватая меня в охапку и бежит в другой конец переулочка. – Давай, фуршунька, нам один проход до вокзала!

Весь ужас происходящего обрушивается на меня отрезвляющей лавиной, заставляя взять себя в руки. Обнимаю покрепче несущего меня Маркуса и, прикрыв глаза, вновь обращаюсь к своим силам. Благо будить их и настраиваться не приходится: они, как зажатая пружина, раскручиваются, наполняя меня энергией.

– Умница, – шепчет мне Маркус и следующим шагом проваливается в открытый мной пробой.

Мы оказываемся на площадке у перрона, где стоит «Торопыга». По отъезжающим от вагона-склада вагонеткам я понимаю, что погрузка армелита уже завершена и мы можем стартовать прямо сейчас.

Опустив меня на перрон, Фаст бежит вперёд, размахивая руками и привлекая внимание Освальда, который осматривает головной вагон. Я дёргаюсь за ним, когда на запястье смыкается железная хватка Ремера.

– Не так быстро, гратта, – шипит он мне в ухо, притягивая к себе. – А вы сильны, Агата, раз вашего прохода хватило на нас троих. Тем лучше для меня. За такую крупную рыбу император вознаградит меня по достоинству!

– Сначала вылечи себе это достоинство! – огрызаюсь я, извернувшись и ударив коленом в самое сокровенное для всех мужчин, а именно в пах.

Охнув, командор выпускает меня из рук и сгибается пополам. Времени даром я не теряю и бегу следом за Маркусом, который уже взобрался на локомотив. «Торопыга» набирает ход, и мне даже кажется, что я не успею в него забраться. Фаст же обеспокоенно оглядывается, ищет меня взглядом, а когда находит, подаётся вперёд.

Если он сейчас спрыгнет, то мы рискуем остаться в Лодброке наедине с жандармами, а потому я машу ему не дёргаться. Подхватываю юбку и в отчаянном прыжке цепляюсь за поручни последнего вагона. Пальцы скользят, я чуть ли не ногтями вгрызаюсь в металл и из последних сил подтягиваю себя на верхнюю ступеньку.

Какое-то время в ушах слышен лишь бешеный стук сердечка. Да и дыхание отказывается приходить в норму. Но с набором скорости я понимаю: мы спаслись в последний момент. А осторожно выглянув из-за вагонной переборки и столкнувшись взглядом с пылающими от ненависти глазами Рикарда Ремера, я понимаю и другое: пощады теперь можно не ждать. Как и то, что мой сокровенный секрет теперь раскрыт.

Глава 5

Если вас съели, у вас по-прежнему есть два выхода

– Держи, милая. – На стол передо мной опускается большая кружка успокоительного сбора, который Миранда готовит по какому-то особенному рецепту.

Нервно кивая, я тут же хватаюсь дрожащими руками за пузатые бока чашки. Меня трясёт, и я не знаю, от чего больше: от перерасхода сил или от того, что теперь Ремер знает о моём даре. Кропалёк на моих коленях возмущённо попискивает, но упорно пытается устроиться поудобнее.

Горячий напиток обжигает нёбо, я захожусь в кашле, и Мири сразу же похлопывает меня по спине:

– Агата, милая, и всё же, что произошло?

Я машу перед лицом руками, делая вид, что пока не могу говорить. Да и не стану я рассказывать подруге, что обычный поход за покупками обернулся катастрофой межмирового масштаба. Для одной маленькой меня. Свою команду, что заменила мне семью, подвести под арест я не могу и не хочу. А потому в голове наряду с паническими мыслями, что закладывают уже третий круг своего бегства, начинает потихоньку созреть план дальнейших действий.

Мири какое-то время смотрит на меня с укором, видимо понимая, что колоться я не собираюсь. А потом её отвлекает Маркус, который не отходит от Розмари с момента возвращения на поезд.

«Первым делом переписать “Торопыгу” на Освальда, – начинают отщёлкиваться в голове ступени плана. – Затем – собрать минимальный запас провианта, одежды и денег. Высадить Маркуса и Розмари где-нибудь в безопасном месте, самой прыгнуть в наиболее густонаселённом. Мне нужно скрыться...»

– Ну что, далеко уже убежала? – Вопрос Фаста застаёт меня врасплох, и я вздрагиваю, кутаюсь в шаль Миранды, искоса бросив взгляд на мужчину.

– О чём ты? – недовольно бурчу я, старательно делая вид, что мне интересен лишь вид за окном.

– Брось, Агата. – Он усаживается напротив и, протянув руку через стол, ловит мою ладошку. – Я слишком хорошо тебя знаю. Наверняка у себя в голове ты уже сбежала на самый край изведанных миров, лишь бы не подставлять свою команду.

– И? – вздёргиваю я голову, глядя на него с долей презрения. – Что плохого в том, чтобы стараться обеспечить безопасность дорогих тебе людей, пускай для этого потребуется с ними расстаться? Я бегу не потому, что мне страшно или выгодно. Я уйду, потому что так надо для их счастливой жизни.

В этот момент за дальним столиком, который оккупировали мои друзья вместе с постоянным нашим пассажиром, гратом Ладом Жировски, громко смеётся Роза. Мы с Маркусом одновременно поворачиваем головы в ту сторону и наблюдаем чудную картину: Лад, обладающий даром творить иллюзии через написанный текст, выписывает какие-то письмена в воздухе. Они оседают на стол и превращаются в настоящий театр, где маленький рыцарь пытается спасти дракона от очень бойкой принцессы. Розмари наблюдает за этим действием широко раскрытыми глазами, периодически хихикает и что-то спрашивает то у сидящей рядом Мири, то у самого Жировски. Мне от этой картинки одновременно и тепло и грустно: эта идиллия теперь не для меня.

– Вот ради того, чтобы Розмари и остальные могли и дальше беззаботно радоваться жизни, мне необходимо покинуть поезд, – холодно говорю я, вновь глядя на Маркуса.

И вижу, что этот паразит улыбается! Загадочно так, будто бы знает что-то такое, отчего все мои мысли и планы кажутся ему надуманной истерикой.

– Агата. – Он подаётся вперёд, и на его губах играет лукавая усмешка. – Не надо тебе никуда бежать.

– Прекращай играть в великого комбинатора, говори уже, что знаешь, – цежу я в ответ, глядя на него с прищуром.

– Давай начну чуть издалека. – Он отодвигает от меня кружку с отваром и, будто из воздуха достав увесистую фляжку, выставляет перед нами две рюмки. – С твоих планов. Потом перейду к важной для нас с тобой информации...

– Я не пью, – перебиваю я Маркуса, следя за тем, как он разливает нам какую-то янтарного цвета жидкость.

– Хорошо, – кивает плут. – Давай так. Если после того, как ты меня слушаешь, ты отменишь своё решение, тогда мы с тобой это дело отметим. Если же я окажусь недостаточно убедителен, то отпущу тебя с трезвой головой и холодным сердцем. Идёт?

Я откидываюсь на спинку диванчика и, запустив ладонь в шёрстку фурунью, молча киваю, не забывая при этом одарить Фаста скептическим изгибом брови. Что бы ни сказал сейчас этот соловей, меня не переубедить.

– Итак, – начинает он и придвигает ко мне рюмку. – Наверняка в твоей умненькой и такой благородной головке уже просчитались все возможные действия нашего неуважаемого Рикарда Ремера. И, согласно твоей логике, в следующем же мире нас ждёт облава жердей, так?

Мне не хочется в открытую признавать его правоту, поэтому я снова молча киваю.

– Так, – довольно ухмыляется плут. – А что, если я скажу, что никакой засады нам можно не ждать?

– С чего ты так решил? – не удерживаюсь я от комментария. – В интересах Ремера поймать нас как можно скорее.

– В интересах Ремера поймать нас самому! – Маркус поднимает указательный палец и, видя мой недоверчивый взгляд, продолжает: – Поверь мне, за время своих странствий и стычек с этим командором, – на этом слове лицо Фаста искажается презрительной гримасой, – я выяснил одну его черту. Тщеславие! Оно вывело его в ближний круг императора, оно же и погубило.

– И? Чем эта информация поможет конкретно нам?

– А то, что для Рикарда поймать «Торопыгу», тебя и Розмари теперь глубоко личное дело. Тем более после того, как ты покусилась на его мужскую честь. Он не станет выдавать на нас ориентировки командорам других миров. Я в этом уверен на сто процентов!

– Ты натягиваешь Кропалька на поезд.

Я отодвигаю от себя рюмку, показывая, что Маркус меня не убедил. Фурунь, разомлевший от почёсываний, при этих словах испуганно икает и благополучно испаряется, прыгая к Розмари.

– Все твои доводы притянуты за уши и основаны лишь на твоём личном мнении о Ремере. Эта скотина гораздо умнее и дальновиднее.

– Агата, последние два года я бегал от этого мудака по всем изведанным мирам. – Фаст перестаёт улыбаться и теперь смотрит на меня с пугающей серьёзностью. – Поэтому я не появлялся, поэтому не давал о себе знать. Я не хотел навести его на твой след. И, поверь, характер и повадки командора я успел изучить так, что могу удивить даже его личного камердинера. Агата, эта тварь перебила всю мою команду и родителей Розы. Мне незачем врать.

Минуту-другую я медлю, размышляя над словами Маркуса. Во мне борются желание поверить этому авантюристу, остаться с друзьями в своём привычном и таком уютном мирке и голос опыта, который твердит, что Фаст уже обманывал меня и веры ему ни на гран армелита.

Где уверенность в том, что всё, что он мне сейчас нарасказывал, – не попытка манипулировать, вновь получить желаемое? Ещё бы знать, какую цель тогда он преследует.

Вот эта неизвестность и перевешивает чашу весов. В конце концов, какая выгода Маркусу от того, что я останусь с ними и, в случае если он врёт, меня схватят в первом же посещённом мире?

– Вечный покой им в Межмирье, – произношу я, поднимая рюмку и выпивая залпом содержимое.

Жидкость прокатывается по горлу огненным шаром, но мне удаётся удержать лицо и не поморщиться.

– Мне очень жаль твоих ребят, Маркус.

– Поэтому для меня важно, чтобы их гибель не оказалась напрасной, – проговаривает он и разливает новую порцию алкоголя. – И не препирайся, Агата. Нам обоим нужно расслабиться.

– Напиваться – не лучший вариант. Нам нужны трезвые головы.

– Твоя трезвая голова не способна сейчас генерировать дельные планы, – парирует Маркус. – Давай перезагрузимся. В конце концов, если я не прав, то это наша последняя ночь на свободе.

– Боги всех миров, зачем я только тебе поверила? – устало восклицаю я, потирая переносицу. – Хорошо, но я требую, чтобы ты рассказал мне всё начистоту. Кто родители Розы? Из какого мира? Как получилось так, что Ремер вцепился в вас фуршуней хваткой? И куда мы везём девочку?

– Встречное условие, – тут же выдвигает требования Маркус, вмиг превращаясь в привычного всем плута и авантюриста. – Ты выпиваешь за ответ на каждый вопрос. Договорились?

– Пф-ф-ф, – закатываю я глаза. – Если надеешься таким образом о чём-то умолчать, то дохлый номер. Уж четыре рюмки я выдержу.

– Я бы на твоём месте поостерегся. Буллевийский виски и здоровенных бугаёв вроде Освальда с пары рюмок укладывает, – усмехается хитрец. – Но раз ты согласна, то начну с последнего вопроса. Розы мы везём в специальную школу для таких одарённых, как она.

Успев к этому моменту пригубить рюмку, я, к своему позору, разбрызгиваю напиток. Мало того, от удивления часть виски идёт у меня носом. Под тихий смех Маркуса устраниваю последствия своего шока, бросая на шутника скептические взгляды.

– Какая школа, Маркус? Ты где такого бреда наслушался?

– Агата, то, что тебя некому было учить, не значит, что учителей в природе не существует. В Аркадосе существует тайная школа Скользящих. Эрик и Аврелия, родители Розы, долгое время собирали информацию о ней. Это единственное безопасное место для таких, как ты и малышка.

– Аркадос?! Столица Доминиона? Ты в своём уме, Маркус? – Я вовсе перестаю понимать друга. – Целая школа для Скользящих под носом у императора? Да это бред сивого... мм, как же его? Фуршуня! Вот!

Почему-то язык начинает заплетаться, а сидящий напротив Фаст и вовсе как-то размывается. Да и в целом всё, что мы сейчас с ним обсуждаем, кажется мне какой-то нелепостью и очень весёлой глупостью.

– Хочешь что-то спрятать – помести это на видное место, – пожимает плечами Маркус и залпом осушает рюмку.

– Это хорошо звучит в теории. – Я бессовестно зеваю, широко раскрывая рот, и еле успеваю прикрыться ладонью. – В скучной, бессердечной теории. Такой же бессердечной, как и ты, Маркус Риглер Фаст! – Ощущая, как в сознании спадают все зажимы, рамки, в которые сама себя загнала, я тороплюсь высказать бывшему всё, что так давно лежало грузом на душе. – Вот как ты мог бросить меня тогда, а? Вот совсем бессовестный. И ещё денег не оставил. Ещё и наглости хватило снова прийти. А ты ведь ни на грамм не изменился.

Образ Фаста плывёт перед глазами, я вижу его будто во сне. Он улыбается, слушая мою несвязную речь, и даже кивает, соглашаясь со всеми обвинениями.

– Вот всё такой же... – Я пытаюсь подобрать какой-то красочный эпитет, но в голове такой расслабляющий туман, что мысли дрожат в ней, как студень у Мири в кастрюле. – Такой же самодовольный болван, но такой обаятельный.

– О, быстро же тебя перемкнуло. – Маркус поднимается и шагает ко мне. – А говорила, выдержишь все ответы. Давай, фуршунька, отведём тебя в купе.

– Ой, иди ты! Я, может, впервые в жизни говорю то, что у меня на душе!

Я отмахиваюсь от Фаста и неловко заваливаюсь на стол. А что? Очень удобная тут столешница, однако!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.